

ситься двояко къ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ: если онъ человѣкъ добродушный, то—снисходительно и съ сожалѣніемъ, что они заблуждаются; если онъ человѣкъ сухой и черствый, то—съ высококомѣрнымъ пренебреженіемъ, такъ какъ они не могли подняться до выработки взглядовъ, которые онъ сумѣлъ усвоить. Но въ обоихъ случаяхъ отношеніе можетъ быть только спокойнымъ, свободнымъ отъ раздраженія. Послѣднее умѣстно только въ томъ случаѣ, когда есть основаніе думать, что люди, несходные съ нами по взглядамъ, держатся своихъ мнѣній подвліяніемъ низкихъ побужденій, своекорыстныхъ расчетовъ. Толстой совсѣмъ лишень этого свойства истиннаго мыслителя. Онъ отзывается съ крайнимъ раздраженіемъ о цѣлыхъ направленіяхъ въ наукѣ, искусствѣ, общественной дѣятельности. Мало того, что люди мыслящіе и дѣйствующіе не такъ, какъ онъ, являются въ его глазахъ заблудшими: это—люди дурные, развращенные. Представители науки занимають первое мѣсто среди тѣхъ, кто служить для него предметомъ рѣзкихъ нападокъ. Науку, по его мнѣнію, двигаютъ люди «праздные и развратные»; они «перечислили 40.000 букашекъ»; эти занятія равносильны «пусканію мыльныхъ пузырей»; большею частью, занятіе наукой гораздо хуже, чѣмъ «игра въ горѣлки или карты»; ученые, «сидя на спинѣ у простыхъ людей, ведутъ роскошную жизнь» и т. д. Раздражительность Толстого выдаетъ его слабость. У него есть сознаніе или хотя бы неясное чувство, что онъ вовсе не вооружень для борьбы съ положеніями науки, что въ каждой отрасли знанія найдутся люди, посвятившіе много труда и таланта на изученіе предмета своихъ излюбленныхъ занятій, что хотя въ ихъ выводахъ, уже по ограниченности человѣческаго ума, много ошибочнаго, недоказаннаго, но есть и прочно обоснованныя убѣжденія, глубоко продуманные доводы. Это сознаніе или чувство подсказываетъ Толстому, что свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ, схваченныя налету, когда его мысль скользила только по поверхности обсуждаемыхъ явленій, дѣлаютъ его совсѣмъ неподготовленнымъ къ тому, чтобы опровергнуть какой-либо доводъ науки. Но онъ привыкъ говорить громко. Онъ хочетъ, чтобы и здѣсь его слово имѣло вѣсъ. Онъ знаетъ, что на очень и очень многихъ больше дѣйствуютъ рѣзкое отрицаніе и несправедливыя нападки, нежели поверхностные, мало обоснованные доводы: а потому, говоря о наукѣ, онъ и даетъ своему раздраженію полный просторъ.

Непріятныя ноты звучатъ и въ смиреніи Толстого. Допустимъ,